
Т. А. БЕРНШТАМ

ОБ ОДНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ НА АРХАНГЕЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В XVIII—XIX вв.

Черты национального своеобразия, сложившиеся на основе исторических условий жизни русского народа, которые характеризуют русское искусство в целом, ярко выражаются в произведениях народного декоративно-прикладного искусства, как в его содержании, так и в особенностях художественного выражения.

В отдельных районах с различным историческим и экономическим развитием, а также с различными природными условиями, складывались специфические местные особенности в художественном оформлении народной архитектуры, домашней утвари, одежды.

Памятники крестьянского бытового творчества архангельского Севера, представляющие резьбу и роспись по дереву, собраны и изучены в сравнительно небольшом количестве. С некоторыми оговорками можно и сейчас, к сожалению, сказать словами И. Э. Грабаря, что «изучение народного искусства Севера находится в том зачаточном состоянии, когда приходится думать не столько о научном его исследовании, сколько о простом накоплении материала»¹.

Более пристальному исследованию подверглись произведения бытового искусства северо-двинского района Архангельской области. Уже в 30-х годах нашего века северо-двинская роспись вызвала большой интерес как одна из крупнейших северных школ народного искусства². Делались попытки на основании анализа этой росписи установить ее стилистические варианты, которые являются признаком долговременного бытования и широкого распространения. За последние годы изучение северо-двинской росписи намного продвинулось вперед: экспедиции Государственного Исторического музея и Государственного Русского музея собрали новый вещевой материал и богатые сведения, которые позволили определить хронологические этапы развития, мастеров, центры производства, варианты этой росписи и пр.³ Есть упоминания о вологодской и олонецкой резьбе⁴. Незученной остается пока мезенская роспись; известны только отдельные замечания о ее свое-

¹ И. Грабарь, Предисловие к альбому С. Соколова и И. Томского «Народное искусство Севера России», М., 1924, стр. 3.

² В. Воронов, Крестьянское искусство, М., 1924, стр. 73—74; А. И. Некрасов, Очерки декоративного искусства Древней Руси, М., 1924; И. Н. Паньшина, Роспись по дереву, сб. «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 30—32.

³ О. В. Круглова, Северо-двинские находки, «Декоративное искусство», 1960, № 3, стр. 3; Н. В. Тарановская, Народное искусство Архангельской области, КСИЭ, XXXVIII, 1962, и др.

⁴ Сб. «Русское народное искусство», Л., 1959, стр. 23, 30—33.

образии и красоте⁵. Мезенская роспись (и развившаяся на ее основе пинежская роспись) представляет несомненный интерес в этнографическом отношении: мотивы ее сложились в особой бытовой и культурной среде, в результате длительной жизни русского населения в соседстве с ненцами, саамами, коми-зырянками. Взаимопроникновение культур наложило отпечаток на многие явления в жизни всего местного населения.

В данной работе на основании изучения вещевого материала сделана попытка выделить еще один район производства и бытования деревянных домашних орудий — прялок, вальков, рубелей со своеобразной формой и орнаментом. В основу работы положены коллекции, собранные по побережью Белого моря — на Летнем берегу и на островах в устье Двины, хранящиеся в Архангельском областном краеведческом музее и Государственном музее этнографии народов СССР (ГМЭ). Большинство рассмотренных предметов из ГМЭ собрано в числе других вещей хозяйственного и домашнего обихода Л. Костиковым и Е. Ляцким, хранителями Этнографического отдела Русского музея в начале XX в. Почти весь материал из Архангельского областного краеведческого музея собран также в начале XX в.; часть предметов привез в Архангельск работник бывшего Архангельского публичного городского музея И. М. Починковский, побывавший в 1911 г. в с. Луда на Летнем берегу Белого моря и в группе деревень на Кегострове (дельта р. Сев. Двины)⁶.

Всего рассмотрено 64 предмета⁷ (см. табл. 1 и 2). Такое количество вещей уже дает некоторую возможность выделить основные типологи-

Таблица 1

Прялки с Летнего берега Белого моря

Инвентарный номер	Место происхождения	Даты, вырезанные на прялках
Архангельский областной краеведческий музей		
4420	д. Кудьмозеро	1836 г.
4376	»	1844 г.
4407	»	1854 г.
4383	»	1866 г.
4392	»	—
4403	»	—
4405	»	—
4372	с. Луда	1847—1851 г.
4418	»	1870 г.
4419	»	1811—1877 г.
4400	»	1885 г.
4373	»	—
4416	»	—
4389	д. Лопшеньга	1868 г.
4375	»	1886 г.
4401	»	—
4408	»	—
4409	»	1899 г.
4410	»	—
4411	»	—
4412	»	—
4382	неизв. деревня на Кегострове	—
4406	д. Яреньга	—
Государственный музей этнографии народов СССР		
2343—52	д. Кудьмозеро	1815 г.
6759	»	1840 г.
2343—45	д. Ненокса	—
2343—46	»	—
2343—47	»	—
2344—10	д. Дураково	1867 г.
2344—9	»	—
2343—50	д. Яреньга	—
2343—51	»	—
2343—8	с. Летняя Золотица	—

⁵ В. Воронов, Указ. раб., стр. 77—78; В. М. Василенко, Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII—XX вв., М., 1960, стр. 81—82; П. Г. Истомин, Современное народное искусство на Севере, сб. «На Северной Двине», Архангельск, 1924, стр. 21—22.

⁶ А. Бобринский, Народные русские деревянные изделия, М., 1912, стр. 4.

⁷ Кроме того, в процессе работы автору пришлось ознакомиться с еще неопубликованным материалом; это — сто прялок, привезенных летом 1962 г. экспедицией Государственного Русского музея с Летнего берега Белого моря.

ческие и стилистические особенности этой группы. В то же время тщательное изучение коллекций позволяет сделать и частные замечания относительно групп вещей или отдельных предметов. Мы сознательно не касаемся здесь происхождения и семантики орнамента на прялках, вальках и рубелях ввиду того, что это большой и сложный вопрос, тре-

Таблица 2

Вальки и рубеля с Летнего берега Белого моря и из деревень на о-вах в устье р. Сев. Двины

Инвентарный номер	Место происхождения	Даты, указанные бывшим владельцем или вырезанные на предметах
Архангельский областной краеведческий музей		
4458	д. Кудьмозеро	1719 г.
4456	»	начало XVIII в.
4429	»	—
4434	»	—
4444	»	—
4452	»	—
4773	»	—
4460	Неизв. д. с Кегострова	1813 г.
4455	»	1884 г.
4461	»	сер. XVIII в.
4465	»	—
4445	»	—
4459	»	—
4472	»	—
4473	»	—
4477	»	—
4428	д. Голова (Кегостров)	1801 г.
4431	»	—
4446	»	—
4450	»	—
4451	»	—
4467	»	—
4469	»	—
4437	д. Гневашево (Кегостров)	—
4466	»	—
4476	»	—
4432	д. Яреньга	—
4471	1-я Соломб. деревня (г. Архангельск)	начало XIX в.
4475	»	—
4463	д. Кехта	—
2344—12	Государственный музей этнографии народов СССР с. Кянда	—

бующий специального исследования.

Прялки с беломорского побережья от д. Лопшеньга до д. Дураково едины по форме и художественному оформлению⁸. Все прялки состоят из трех кусков дерева (лопасть, копыл, донце). Н. Н. Соболев ошибался, когда говорил, что все русские прялки делались либо из одного куска дерева — «копеня», либо из двух отдельных кусков: гребня и донца⁹. В. М. Василенко повторил эту ошибку, добавив, что «прялка состояла из гребня, ножки и донца, вырезанных из одного куска дерева; от этого правила отступали лишь в Нижегородской губернии, делая донце отъемным. Для северных прялок мастер обычно подыскивал корневище — копень, — которое и обрабатывал»¹⁰. Последнее замечание справедливо относительно вологодских, онежских, северо-двинских и мезенских прялок, но не прялок беломорского побережья. Составные части — лопасть, копыл, донце — выражены в беломорских прялках очень четко.

Лопасть (на Летнем берегу Белого моря — «перо», «рожица») представляет узкий тщательно обработанный кусок дерева, чуть расширяющийся кверху, увен-

чанный плоскими городками, иногда соединенными резным узором. Длина лопасти 48—50 см. Поверхность лопасти покрыта геометрическим орнаментом, большей частью прорезным. Для соединения лопасти с копылом на ее конце имеются пазы или отверстия, что говорит

⁸ Если учесть вышеупомянутые сто прялок, то всего их будет 133.

⁹ Н. Н. Соболев, Народная резьба по дереву, М.—Л., 1934, стр. 346.

¹⁰ В. М. Василенко, Указ. раб., стр. 70.

о креплении их двумя способами. Если на конце лопасти есть пазы, то копыл имеет раздвоение в виде вилки, а место их соединения закрепляется гвоздями или смолой (рис. 1, а). Если лопасть с отверстием, то у копыла есть стержень; на лопасти прялки тоже имеется маленький стерженек, а это соединение закрепляется с боков деревянным штырем (рис. 1, б, в).

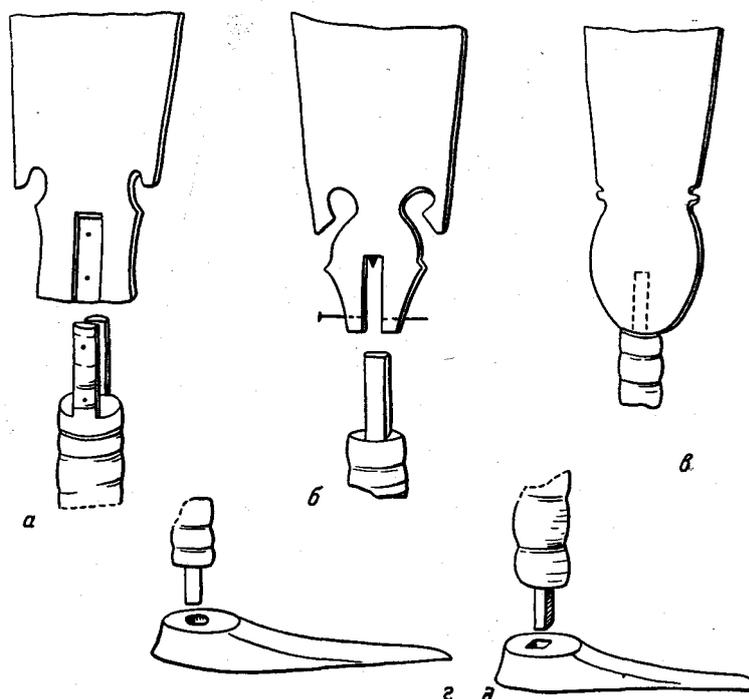

Рис. 1. Способы крепления лопасти беломорской прялки с копылом и копыла с донцем:
 а — крепление лопасти с копылом при помощи пазов и вилки; б — крепление лопасти с копылом при помощи штыря и отверстия; в — крепление копыла с донцем при помощи штыря четырехугольной и круглой формы

Копыл («стебель», «ножка») у всех прялок выточен на токарном станке, сечение круглое, длина его 40—50 см. Прялки с точеным копылом встречались в конце XIX — начале XX в. в Новгородской губернии и вблизи Петербурга, а также в виде редкого исключения — в Кемском уезде Архангельской губернии. И то последние можно считать результатом влияния беломорского типа, так как с Летним берегом и Архангельском у кемлян были тесные связи¹¹. Нижний конец копыла обрабатывался таким образом, чтобы его можно было посадить в гнездо на донце — в виде штыря круглой или четырехугольной формы (рис. 1, г, д).

Донце представляет довольно длинную (50—60 см) доску, с гнездом для копыла, отделанную небрежно, часто с неровной поверхностью.

¹¹ Обычно же копыл кемских прялок вырезался вместе с лопастью из одного куска дерева. Прялки из Кемского уезда назывались на Летнем берегу «кемлянками». На них наносился узор (нередко прорезной) растительного характера, часто резьба раскрашивалась.

В редких случаях донце покрыто плоской резьбой или заканчивается резной розеткой.

Надо отметить, что беломорские прялки по размерам не меньше остальных северных прялок, хотя и производят впечатление небольших¹², так как общие пропорции прялок придают им удивительную стройность и изящество. Большие прялки поморы сами высмеивали: «Пустодомка потом идет с большинской прялкой, зашла в избу — едва прялку затанула — толь мала прялка!»¹³

Геометрическая резьба на лопастях беломорских прялок трехгранно-выемчатая или контурная, мотивы — розетки, круги, четырехугольники, спирали, S-образные завитки и др. В данной группе для нас главный интерес представляют сквозная резьба и устойчивая комбинация геометрического узора, свойственная определенному району распространения. Отдельные замечания о сквозном, «ажурном» узоре на Севере встречаются у некоторых исследователей народного творчества. А. И. Некрасов называл резьбу на проеме «сквозным узорочьем» и отмечал ее применение не только в деревянной архитектуре, но и на различных поделках — мебели, ларцах, шкафах, утвари, прялках, игрушках¹⁴. О применении проемной резьбы на архангельских прялках упоминал и Н. Н. Соболев¹⁵. С краткими аннотациями представлены фотографии северных прялок в альбомах А. А. Бобринского¹⁶, С. Ф. Соколова и И. И. Томского¹⁷. В. М. Василенко говорит, что «прялки архангельского типа нередко получали по всему гребню орнамент, совершенно плоский»¹⁸. Необходимый элемент гребня в беломорских прялках — городки (обычно три — семь); на части прялок они входят в общий прорезной узор всей лопасти.

Таким образом, ряд особенностей — наличие трех составных частей (лопасть, копыл, донце), размеры составных частей, способы их крепления, форма прялок, характер орнамента — позволяет выделить беломорские прялки в отдельную художественную группу. Типологическое изучение прялок (анализ формы, декора), а также вырезанные на них даты дают основание выделить три хронологические группы.

Лопастя прялок конца XVIII — первой половины XIX в. не имеют резьбы на проеме (см. рис. 3, а). Нижняя часть лопасти у соединения с копылом — прямая или со слегка намеченными ушками («балясинами»). Городков три — пять; они заканчиваются крупными розетками, стоят отдельно. Соединение лопасти с копылом различное: обработанный конец лопасти входит в углубление на копыле и закрепляется железной скобой с гвоздями, либо вилка копыла надевается на пазы лопасти.

Комбинации розеток и других геометрических фигур на поверхности лопасти произвольные: чаще в верхней части помещается резной четырехугольник, трехгранно-выемчатая резьба сочетается с контурной. Для всех прялок этой подгруппы характерна еще одна деталь — края лопасти не гладкие, а украшены небольшими зарубками. Встречаются сюжетные изображения. В верхней части лопасти одной прялки изображе-

¹² Это связано, вероятно, с тем, что прялки, вырезанные из одного куска дерева, с широкими лопастями, выглядят громоздкими.

¹³ Сказка «Пустодомка» из сборника «Сказы и сказки Беломорья и Пинежья», Архангельск, 1947, стр. 117.

¹⁴ А. И. Некрасов, Указ. раб., стр. 108.

¹⁵ Н. Н. Соболев, Указ. раб., стр. 346.

¹⁶ А. А. Бобринский, Указ. раб., табл. 99, № 1—8.

¹⁷ С. Соколов, И. Томский, Указ. раб., табл. 20.

¹⁸ В. Василенко, Указ. раб., стр. 71.

на сцена охоты: по обе стороны большого дерева, на котором сидят птицы, стоят охотники с ружьями и собаками. Между розетками находятся рыбки, чешуя которых великолепно передана треугольничками. В нижней части лопасти другой прялки изображена женщина, по обе стороны которой находятся кони и солнца (рис. 2, а). Рисунок стилизован, аналогии ему можно найти в русской вышивке. Более поздний

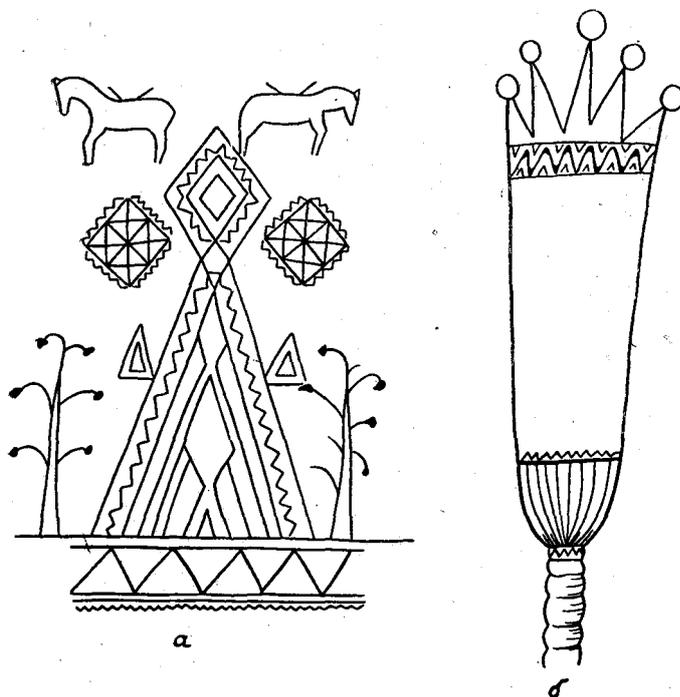

Рис. 2. Рисунки на прялках:
а — изображение женщины с солнцами и конями на лопасти
прялки из д. Кудьозеро; б — узор в виде снопа на лопасти
прялки из д. Лопшеньги (Архангельский областной краевед-
ческий музей)

вариант этого сюжета на одной из прялок — голова женщины в богатом уборе типа кокошника, из которой растет дерево.

В середине XIX в. изменяется характер украшения лопасти. Появляется орнаментальная рамка по ее краю, в которую включены все геометрические фигуры декора, отделяя зрительно городки от остальной части лопасти. В самой нижней части лопасти появляется резьба на проем, благодаря чему нижняя часть орнаментальной рамки образует подобие ручек. Устанавливаются определенная комбинация и порядок расположения розеток, которых обычно три: верхняя в виде узора из шестилистников, средняя — в виде вписанного в окружность квадрата со сложным узором, нижняя — различные вариации розетки «солнце» (рис. 3, б). Наряду с геометрическим узором встречаются изображения рыб, птиц, деревьев. Между розетками помещены контурные фигурки курочек и рыб, дерево с сидящей на нем птицей и т. п. Появляется резьба на внутренней стороне лопасти — в верхней и нижней части, например, сноп или резная полоса (рис. 2, б).

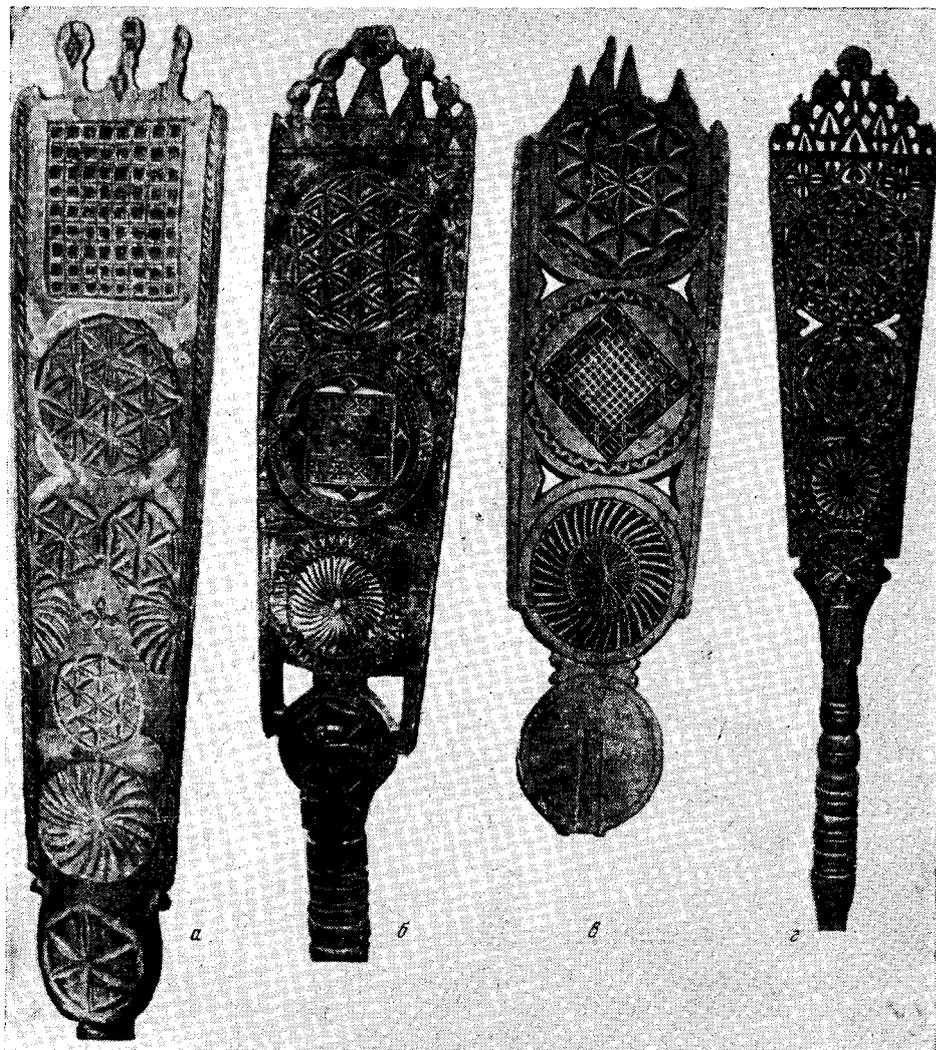

Рис. 3. Прялки середины XIX в.:
 а — д. Кудьмозеро; б — д. Кудьмозеро; в — с. Луда; г — д. Лопшеньга (Архангельский
 областной краеведческий музей)

Донце у этих прялок округлено или заканчивается резной розеткой «солнце». Лопасть соединяется с копылом при помощи пазов и вилки.

Самую многочисленную группу прялок, относящихся ко второй половине XIX — началу XX в., можно разделить на две хронологических подгруппы. Во второй половине XIX в. появляется прорезная резьба, но ее еще немного; это сердечки, треугольники со срезанными углами и вдавленными сторонами, четырехлистники и другие фигуры. Сквозная резьба располагается между розетками, выделяя и подчеркивая их. В сложный узор превращаются городки: особенно это заметно на прялке из Лопшеньги, на которой от городков остались одни маковки. Лопасть таких прялок обычно заканчивается «балясинами», выраженными более четко, чем в начале XIX столетия. В это время начинает применяться раскрашивание резьбы на прялках: розетки на лицевой г

Рис. 4. Прялки конца XIX — начала XX в.:
 а — д. Лопшеньга; б — д. Лопшеньга; в — с. Луда (Архангельский областной краеведческий музей)

внутренней стороне прялки раскрашиваются в черный, желтый, красный цвет, голова женщины в кокошнике раскрашена коричневой и синей краской.

Для конца XIX — начала XX в. характерна сквозная резьба по всей лопасти прялки, орнаментальная рамка включает три, редко пять розеток. Комбинации розеток с определенным узором очень устойчивы (то же сочетание розеток и в той же последовательности, какое намечалось во второй подгруппе). Ажурная резьба внутри розеток создает богатство узора, выполненного по одной декоративной теме (рис. 4, а). Из этих прялок тонкостью исполнения отличаются лопшеньгская и лудская прялки начала XX века (рис. 4, б, в). В центре лопасти помеще-

ны плоские скульптурные фигурки (мужчин и женщин), всадника на коне и птицы, выполненные точно в такой же манере, как и северные деревянные игрушки. Все фигуры отличаются лаконизмом и четкостью. Точно найдены очень скупые выразительные средства, благодаря чему в каждом образе передана только основная его черта, которая позволяет зрителю дорисовать второстепенные детали. Прялки раскрашены очень ярко; более тщательно и многокрасочно с одной стороны: на рис. 4, б поле — желтоватое вверху, розоватое внизу, верхние фигуры — красные с зеленым, на внутренней стороне обе красные; центральные фигуры — женщина в красном с белым платье, мужчина — в синем, на внутренней стороне обе синие. Расположенные на лопасти розетки даны в синей и красной расцветке. Все геометрические узоры, особенно розетки, выполнены при помощи циркуля и линейки. Шестилистники в розетках вписаны в большой круг путем перекрещивания кругов меньших диаметров (обычно шесть, иногда больше). В розетке «солнце» прямые лучи выполнены с помощью линейки, кривые — циркулем, квадрат вписан в круг путем деления окружности на четыре равные части (рис. 4, а). Очень редко встречаются такие прялки, у которых основной геометрический узор был бы выполнен от руки; в основном это поздние экземпляры, где уверенно повторяется устойчивый традиционный узор.

Все известные нам вальки и рубеля связаны с довольно ограниченной территорией и позволяют проследить конкретное развитие одной художественной традиции.

Датированы очень немногие предметы (заметим, что здесь даты представлены либо, так же как и на прялках, самим мастером, либо собирателем). Коллекция из окрестностей Архангельска отличается разнообразием форм, а малое количество дат затрудняет четкую хронологическую классификацию. Однако сопоставление вальков и рубелей с прялками позволяет при помощи типологического анализа выделить несколько групп вещей.

Большая часть рубелей относится к периоду с начала XVIII по начало XIX в. Среди этих рубелей можно выделить две хронологические группы: первая группа датируется началом XVIII в. и его серединой; вторая — концом XVIII в. и первой половиной XIX в. Рубеля первой группы очень просты по форме и примитивны по узору. Два рубеля — из д. Кудьозеро и из неизвестной деревни с Кегострова имеют прямоугольные лопасти; в одном случае лопасть, слегка закругляющаяся в верхней части, со слабо выраженным утолщением на ручке. Орнамент состоит из трех-четырех контурных розеток с лучами. Эти рубеля — самые ранние из определенных нами (рис. 5, а, б). Вероятно, ко второй половине XVIII века относятся четыре рубеля: два из них прямоугольной формы; два — с лопастью, немного расширяющейся кверху. Для трех из них характерно наличие трехгранно-выемчатой резьбы типа «кружевной» (очень мелкая резьба). Состав геометрических фигур и порядок их расположения еще окончательно не установились (рис. 5, в — е).

К рассмотренной группе тесно примыкает другая, на предметах которой наряду с характерными чертами первой группы появляются некоторые новые черты, позволяющие выделить их особо. Один рубель (рис. 6, а) прямоугольной формы, с ручкой без утолщения, украшен контурной резьбой, геометрические фигуры взяты произвольно, время изготовления 1801 г.; другой (рис. 6, в), из деревни Гневашево на Кегострове, украшен «кружевной» резьбой; три (рис. 6, б, г, д) — почти прямоугольной формы, в верхней части плоскости расположен прямо-

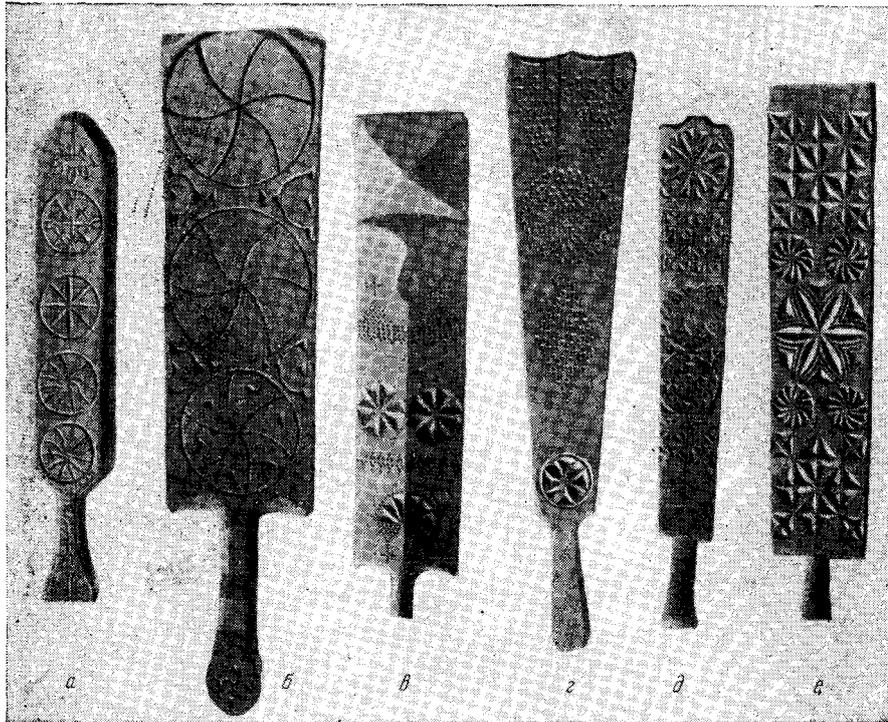

Рис. 5. Рубеля начала и середины XVIII в.:

а — неизв. деревня на Кегострове; *б* — д. Кудьмозеро; *в* — д. Голова на Кегострове; *г* — д. Гневашево на Кегострове; *д* — неизв. деревня на Кегострове; *е* — неизв. деревня на Кегострове (Архангельский областной краеведческий музей)

угольник, разделенный на мелкие доли трехгранно-выемчатой резьбой, в середине розетка. Несмотря на отмеченное сходство с рубелями первой группы, эти предметы имеют более позднюю черту — орнаментальную рамку по краю лопасти, внутри которой заключены все геометрические фигуры. Данные рубеля относятся к началу XIX в., а прялки с орнаментальной рамкой — к середине XIX в., из чего можно сделать вывод о преемственности узора на прялках. Только один рубель (рис. 6, *е*) относится ко второй половине XIX в.; он слегка расширяется кверху и заканчивается имитацией городков; пять больших розеток на плоскости рубеля и восемь маленьких между ними заключены в орнаментальную рамку, последовательность розеток «солнце» и «шестилистников» напоминает поздние типы прялок. Утолщение резко отчленено от фигурной ручки и украшено восьмилистником.

Самая ранняя группа вальков относится к первой половине XIX в., вальки (рис. 7, *а*, *б*) — прямоугольной формы с округленной верхней частью, чуть расширяются кверху, с орнаментальной рамкой. По характеру орнамента и техническому выполнению они близки рубелям этого же времени. Основу композиции орнамента у них составляют небольшие розетки, расположенные по центральной оси плоскости.

Между этой группой и следующей стоят вальки, изображенные на рис. 7, *в*, *г*. Розетки «солнце» и шестилистники заключены в орнаментальную рамку; ручка фигурная. На конце валька из Кудьмозера, несомненно, были городки (рис. 7, *в*).

Время изготовления другой группы вальков — середина XIX — первая четверть XX в. Сюда входят вальки с лопастью, расширяющейся

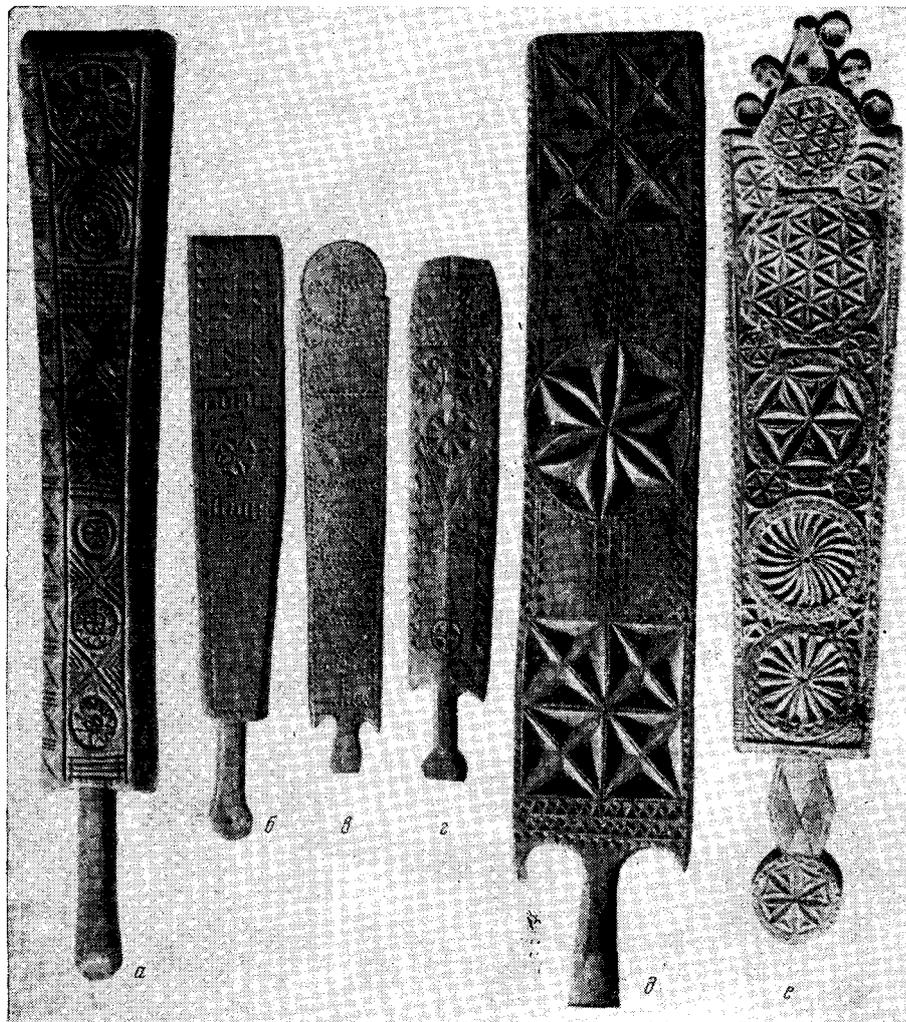

Рис. 6. Рубеля начала и середины XIX в.:
а — неизв. деревня на Кегострове; *б* — 1-я Соломбальская деревня; *в* — д. Гневашево на Кегострове; *г* — неизв. деревня на Кегострове; *д* — 1-я Соломбальская деревня; *е* — д. Кудьмозеро (Архангельский областной краеведческий музей)

кверху и заканчивающейся треугольником, иногда с небольшой шишечкой или с городками (рис. 7, *д*, рис. 8, *а—г*). Для всей группы характерны следующие черты: набор геометрических фигур (розетка — шестилистник, различные варианты розетки «солнце» и др.), техника трехгранно-выемчатой резьбы, навершия ручек с розетками.

Все вальки и рубеля имеют почти одинаковые размеры рабочей части (45—55 см) и ручки (10—15 см). Большинство из них изогнуты; среди рубелей встречаются с треугольной и трапециевидной в сечении лопастью. Кроме дат, на этих предметах, так же как и на прялках, нанесены инициалы (мастера или владельца, а может быть, того и другого?). На большинстве посвятивительные надписи вроде: «ково люблю любви не забывай держи не теряй» (надпись на рубеле); слова на предмете размечены прсизвольно.

Рис. 7. Вальки первой половины XIX в.:
 а — неизв. дерева на Кегострове; б — д. Голова на Кегострове;
 в — д. Кудьмозеро; г — д. Яреньга; д — д. Кудьмозеро (Архангельский об-
 ластной краеведческий музей)

Не всегда мы сможем легко отнести любой новый предмет к той или иной группе: не так уже просто и прямолинейно историческое развитие художественной традиции, тем более, что она предполагает и авторское своеобразие.

Разбор материала позволяет сделать некоторые выводы.

1. Прялки, вальки и рубеля с определенной части побережья Белого моря — Летний берег и устье реки Двины — оказалось возможным выделить в особую территориальную группу; мы предлагаем назвать ее «беломорской». Прялки этой группы резко отличаются по своим размерам, форме, комбинациям узоров от онежских прялок на западе, мезенских на востоке, пинежских — на юго-востоке и северо-двинских — на юге. Определена общая традиция в развитии формы прялок, вальков и рубелей, элементов декора и его построения: от прямоугольной формы к трапециевидной, от контурной резьбы к трехгранно-выемчатой и ажурной, от узора, свободно располагающегося на плоскости пред-

Рис. 8. Вальки середины XIX в.:

а—д. Голова на Кегострове; *б*—д. Кудьмозеро; *в*—д. Кехта; *г*—д. Голова на Кегострове (Архангельский областной краеведческий музей)

мета, к определенной последовательности розеток, заключенных в орнаментальную рамку.

2. Точеный копыл прялок предполагал наличие токарного станка, который появился на Севере в конце XVII в. (был привезен сюда из Англии). В это же время совсем рядом с Летним берегом и устьем Двины сложился крупный центр художественной резьбы по кости — Холмогоры. Костерезные изделия имели большое распространение по всему Северу; в XVIII в. в Холмогорах были выработаны формы предметов, принципы их орнаментации и виды орнаментов. Со второй половины XVIII в. холмогорскими резчиками начинает широко использоваться сочетание рельефной резьбы с резьбой на проем, т. е. сквозной, ажурной. В XIX в. орнамент становится все более сухим и схематичным; основной прием, используемый мастерами-костерезами в это время — сквозная резьба, доведенная до виртуозности.

На прялках беломорской группы сквозная резьба в XIX в. стала служить основным средством орнаментации; резьбу на проем мы не

наблюдаем ни в какой другой территориальной группе прялок. Применение чертежных инструментов и токарного станка при изготовлении беломорских прялок и предметов костерезного искусства, одинаковая техника изготовления отдельных деталей прялок и костерезных изделий (например, копыл у прялок и костяные шахматы)¹⁹ дают основание предположить, что костерезное искусство Холмогор оказало влияние на художественное развитие беломорской группировки. И если декор ранних деревянных прялок сходен с декором известных нам вальков и рубелей, то в процессе развития художественной традиции наблюдается сильное влияние принципов орнаментации прялок на оформление вальков и рубелей. Согласно своему практическому назначению, вальки и рубеля не могли иметь сквозной резьбы, но их форма, узор и техника его выполнения тождественны с прялочными. Мы можем предположить, что рассматриваемая художественная группа — довольно поздняя, сложившаяся, со всеми присущими ей особенностями, не ранее начала XVIII в., скорее всего в первой его половине.

Несомненно то, что ей предшествовала несколько иная, более древняя группа, от которой остались какие-то детали узора (контурные изображения животных, рыб, женщины с всадниками и др.), возможно, форма²⁰, но для реконструкции ее пока нет данных.

3. Геометрическая резьба просуществовала на предметах два с небольшим столетия — от начала XVIII в. до первой четверти XX в., усложняясь от контурной до резьбы на проем. С начала XIX в. применяется раскрашивание резных частей прялок. На беломорском побережье это явление позднее и вызвано, вероятно, попытками приспособиться к новым вкусам. Ведь именно в это время особенно расцветает северо-двинская и мезенская роспись, раскрашивание бытовых предметов и орудий труда в Шенкурском и Печорском уездах Архангельской губернии.

Представляется возможным поставить вопрос о центрах изготовления беломорских прялок (решить его можно будет лишь при тщательном изучении всех старых и новых коллекций), а также выявить влияние отдельных центров их производства на соседние микрорайоны. Относительно рассмотренного нами материала можно заметить, что в выделенной первой группе прялок и, частично, во второй есть образцы из д. Кудьмозеро, которые не дают установившейся формы и орнамента. Нет ни одного предмета со второй половины XIX в. из Кудьмозера, зато появляются серии прялок из Луды, Лопшеньги, Неноксы²¹, уже с ярко выраженной традицией. Пока нет бесспорных доказательств, но можно сделать предположение, что именно эти места были центрами производства прялок этой группы в XIX — начале XX в.; остальные же местности (Яреньга, Летняя Золотица, Дураково) находились под их сильным влиянием.

Изготовление подобного рода вещей производилось на дому, а также в становищах во время звериной или рыбной путины. Почти все мужское население Летнего берега занималось издавна промыслом морского зверя или рыбы. В ожидании промысла, а нередко и во вре-

¹⁹ Подобная шахматная фигурка была найдена среди других изделий костерезного мастерства на Подракурском посаде — одном из пяти посадов древних Холмогор — экспедицией Архангельского областного краеведческого музея в 1959—1960 гг., в которой участвовал автор данной статьи. Фигурка относится к концу XVII — началу XVIII в.

²⁰ Может быть, древние прялки имели более строго прямоугольную форму — ту, что мы видим на ранних вальках.

²¹ Такие же данные, по устному сообщению Н. В. Мальцева, собрала экспедиция Государственного Русского музея.

мя вынужденных зимовок на промысле, промышленники изготавливали различные бытовые предметы, орудия труда. Предметы домашнего обихода найдены среди вещей со становища поморов-промысловиков на Шпицбергене конца XVII в.—середины XVIII в. скандинавской экспедицией под руководством норвежца Христьянссона²². Ряд вещей содержит прямое указание на то, что они сделаны во время промысла. На лопшеньгской прялке конца XIX в. читаем: «1899 года месяца апреля 6 дня делана на Зимнем мори были нать Сосновец 30 верстах от земли прялка девицы Овдотьи Ларивоновой. Пряди прялку береги за отца бога моли». Зимним морем поморы называли Баренцево, мыс Сосновец — один из мысов, с которого артели поморов Летнего берега выходили на промысел. На Сосновце сделана еще одна прялка: «Сосновец АВП 1896 год». Другая прялка сделана на Кандалакше: «Были на Кандалакше 1876»²³.

Картина досуга перед началом промысла ярко дана в сказе поморки Марфы Ивановны Майзеровой (деревни Лопшеньга): «В июле месяце вся деревня белух ловила. Ездили на море прям деревни. Зверя ждем. О море перво: на берегу — на песку сидим, женки да девки кто шьет, кто вышивает, мужики, кто плавки к снасти, кто пестери, кто к чему горазд»²⁴.

Распространение подобных изделий в любых местах России происходило путем сбыта их на базарах и ярмарках (помимо того, что делалось для своей семьи). И тем скорее появлялись в произведениях крестьянских кустарей новые сюжетные мотивы, чем теснее были связаны центры производства крестьянских изделий с центрами торговли. Хозяйство же севера Поморья в XIX в. носило ярко выраженный промысловый характер. В Архангельской губернии крупной была только одна Макарьевская ярмарка в самом Архангельске. На Онежском полуострове ярмарок вообще не было, за исключением еженедельного базара в Польской деревне Наволоцкого общества Кирилловской волости, на котором продавались в числе прочих предметов и изделия крестьян²⁵. Чаще всего продукты крестьянских промыслов продавались на дому; реже их отвозили в другие села, иногда в Архангельск²⁶. Обычно район распространения подобных предметов был невелик, что создавало предпосылки для консервации многих старинных навыков и традиций.

Историческое и этнографическое исследование Летнего берега Белого моря может выявить много интересного в истории возникновения отмеченной нами художественной традиции, выяснении художественных типов, предшествующих ей, позволит определить место и значение производства подобных изделий в экономической жизни местного населения в XVIII — начале XX в.

²² О работе Христьянссона см.: И. П. Шаскольский, Скандинавская экспедиция 1955 г. на Шпицберген (Открытие остатков становища русских поморов XVIII в.), «Сов. этнография», 1958, № 4, стр. 95.

²³ Обе надписи на прялках из Государственного Русского музея.

²⁴ «Сказы и сказки Беломорья и Пинежья», стр. 40.

²⁵ Государственный архив Архангельской области, ф. 115—1, № 91, л. 26.

²⁶ Там же.